

Неизвестно, сколько времени утекло после ухода лекаря Чи. Лишь когда багряный закатный луч коснулся вершины стены Обителя Созерцания Волн, возвещая о конце дня, воробышек Цзюнь наконец медленно очнулся от глубокого забытья.

Он расправил крылья, поочерёдно вытянул лапки. Всё тело ныло, кости ломило так, словно их разобрали по суставам, а после наспех вернули на место. Силы покинули крошечное тельце без остатка.

В прошлой жизни, выполняя боевые задачи, Цзюнь Жухэн не раз выдерживал изнурительные многодневные сражения без сна и отдыха. Тогда стоило ему по возвращении проспать сутки напролёт, уткнувшись носом в подушку, как он снова был полон сил и энергии.

Теперь же всё обстояло иначе. Растраченная первородная ци и подорванное здоровье не давали оправиться уже добрых две недели, и конца этому не было видно.

Пёрышки после сна взъерошились, но прихорашиваться было лень. Птица лишь небрежно отряхнулась, спорхнула на длинный письменный стол и принялась с любопытством оглядываться по сторонам, поблёскивая чёрными бусинками глаз.

Внимание его привлекла лежащая на столе неоконченная картина, выполненная в тонкой технике гунби.

Широкий, наискось сделанный мазок туши делил рисовую бумагу надвое. В верхней части теснились пышные ветви цветущего абрикоса. Каждая линия была выписана с безупречной точностью, а листья и бутоны располагались в строгом, почти математическом порядке.

Однако в этой идеальности крылся изъян — рисунок казался чересчур выверенным, зажатым в тиски условностей. В нём не чувствовалось живого, непредсказуемого дыхания природы; безупречный порядок навевал лишь тоску и подспудное уныние.

Зато нижняя половина свитка дышала жизнью.

Там были набросаны лишь несколько камней — на первый взгляд, обычные небрежные штрихи, сделанные забавы ради. Но каждый валун имел свой неповторимый облик, скальные выступы топорщились острыми, дерзкими углами. Если даже безжизненному камню безвестный художник сумел придать столько характера и динамики, его мастерство и тонкий вкус не вызывали сомнений.

Даже не искушённый в живописи Цзюнь Жухэн ощущал явный внутренний раскол этого полотна. Буйство жизни и глухое безмолвие, дерзкий порыв и рабское следование канонам — две противоположные стихии сошлись на одном листе бумаги, обнажая мятущуюся, раздираемую противоречиями душу творца.

Под абрикосовыми ветвями, кроме этих камней, ничего не было. Для классического приёма

«оставления пустоты» свободного места вышло слишком много — казалось, автор намеренно оставил простор, чтобы кто-то другой завершил его замысел.

Склонив голову набок, Жухэн с трудом разобрал изящную строчку иероглифов в левом нижнем углу: «Картина „Духовные птицы встречают весну“».

И подпись пониже: «Чжибай».

Духовная птица? Но где же она? Всё ещё сонный Жухэн вновь окинул взглядом пустой свиток, и тут до него наконец дошло. Он невольно фыркнул от смеха.

Чу Яо, он же Чжибай.

Кто бы мог подумать, что этот суровый наследник престола способен на столь тонкую иронию.

— В суетном мире так мало утех, ведь ветви безмолвны и птичий замолк в них смех... Как думаешь, не стоит ли тебе завершить её для меня?

Услышав за спиной негромкий голос, Цзюнь Жухэн мгновенно принял человеческий облик. Облокотившись спиной о край стола, он лениво протянул:

— Мой росчерк когтя стоит недёшево. Боюсь, у Вашего Высочества казны не хватит со мной расплатиться.

Чу Яо сделал несколько шагов к нему:

— И чего же желает мой А-Хэн?

С того самого дня, когда этот тихий шёпот вырвал его из бездны безумия, имя «А-Хэн» обрело для Жухэна почти магическую силу. Стоило принцу произнести его, как в груди поднималась тёплая волна, заставляя сердце сладко замирать.

Нашупав позади себя на столе очки в тонкой золотой оправе, Жухэн аккуратно водрузил их на переносицу Чу Яо. Но руку убирать не стал — так и застыл, вглядываясь сквозь стёкла в его тёмные, подёрнутые лаской глаза.

В сумерках взгляд Чжибая казался глубоким и таинственным, словно подёрнутым лёгкой дымкой. Глядя на него, Жухэн почувствовал, как волна нежности подкатывает к самому горлу.

— Я хочу, чтобы ты... — Жухэн намеренно растягивал слова, ловя малейшие отблески волнения в глазах напротив, — поведал мне одну тайну.

Чу Яо склонился ниже, так что прядь его волос коснулась пальцев Жухэна, вызвав лёгкую щекотку.

— Что именно ты хочешь узнать, А-Хэн?

Жухэн легонько сжал пальцы, наматывая на них шелковистый локон:

— Расскажи мне про Драконью жилу.

Улыбка на лице Чу Яо мгновенно угасла, взгляд заледенел.

Мысли Жухэна невольно вернулись к недавним событиям. Дурацкая система подкинула ему награду с ограниченным сроком действия, которая на поверку оказалась лишь туманной подсказкой.

****[Возрождение Духовного мира — дело не одного дня. Чтобы ускорить выполнение задачи, хозяину надлежит в кратчайшие сроки вернуть Драконью жилу и открыть следующий этап]****

«И всё? Больше ничего?» — изумился тогда Жухэн.

Система предпочла промолчать.

По мнению Жухэна, если уж судьба дарует тебе великую силу или тайное знание, то пусть делает это нормально, а не пичкает огрызками информации. С такими подсказками он чувствовал себя глупым ослом, перед мордой которого повесили морковку на ниточке и заставили бежать по кругу.

К счастью, под рукой всегда была надёжная опора в лице наследного принца.

Раз уж император Вуле некогда пошёл ради сына на святотатство и направил силу Драконьей жилы в его тело, Чу Яо наверняка знал об этом феномене больше любого другого. Так или иначе, начинать поиски следовало с выяснения всех тайн этого артефакта.

Однако реакция принца оказалась пугающей. На лице Чу Яо не осталось и следа прежней мягкости — Жухэн ещё никогда не видел его столь суровым и отрешённым.

— Ты перешёл черту, — отчеканил он.

Пальцы разжались, и шелковистый локон скользнул прочь. Жухэн растерянно замер.

— Я не навязывал тебе дворцовых правил лишь потому, что мне дорог твой вольный, независимый нрав. То, что для меня навеки останется несбыточной мечтой, я надеялся обрести в тебе. Но не забывайся: ты принадлежишь к Духовному миру. Дела престола и тайны императорского двора тебя не касаются. Ты меня услышал?

В его голосе сквозила ледяная, непреклонная властность.

Жухэн понимал, что Чу Яо не станет выкладывать ему все секреты по первому требованию. И всё же эти слова о непреодолимой пропасти между миром людей и миром духов отозвались в его груди глухой, щемящей болью.

Словно в лад его мыслям, в открытое окно ворвался резкий порыв ветра. Тяжёлое пресс-папье съехало, и незаконченный свиток с тихим шелестом взмыл в воздух.

Жухэн потянулся было поймать улетающий лист, но за спиной раздался холодный, безучастный голос принца:

— Зачем беречь то, что способно унести малейшим дуновением ветра? Оставь. Свиток нам больше не нужен.

«Какая нелепая, глупая придирка! — вспыхнул Жухэн. — Это же просто тонкая бумага, с чего ей быть тяжелее камня?» Подавив раздражение, он с досадой разжал пальцы. Предоставленный самому себе свиток взмыл выше, перелетел через высокую стену усадьбы и бесследно скрылся в сгущающихся сумерках.

Глаза Чу Яо потемнели ещё сильнее.

Все эти дни он сознательно избегал любых разговоров о Драконьей жиле, со снайперской точностью выдерживая ту хрупкую грань доверия, которую сам для себя наметил. Но сейчас этот зыбкий покой был грубо разрушен одним неосторожным вопросом.

Чувствовал ли он вину? Нет, Чу Яо слишком долго жил в атмосфере вечных заговоров, слежки и интриг, чтобы поддаваться подобным слабостям. Он давно научился прятать любые чувства под непроницаемой маской.

Его пугал сам факт того, что Жухэн начал копать так глубоко. Принц не мог предугадать, как поступит его пернатый любимец, если узнает всю правду о Драконьей жиле. Не упорхнёт ли он из его рук навсегда? И это гнетущее неведение порождало в душе Чу Яо глухой страх перед потерей контроля над ситуацией.

Для наследника престола, привыкшего просчитывать каждый шаг наперёд, подобная неопределённость была невыносима.

В этот момент снаружи раздался осторожный голос слуги. Чу Яо резко обернулся. Свет только что зажжённых уличных фонарей скользнул по золотой оправе очков, отразившись на стекле зловещим холодным бликом. Юный евнух, вошедший в комнату, невольно вздрогнул от этого леденящего взгляда.

— До... докладываю Вашему Высочеству! — запинаясь, пролепетал слуга. — Его Величество прислал своего доверенного евнуха, почтенного Чэня. Он доставил для вас укрепляющий отвар из астрагала и дудника.

«Уже второй раз за день присылает снадобья, — помрачнел Чу Яо. — Похоже, отец окончательно потерял терпение».

Принц слегка нахмурился и после недолгого молчания обронил:

— Пусть войдёт.

Евнух Чэнь, много лет верой и правдой служивший императору Вуле, приветствовал Чу Яо с притворной заботой:

— Ваше Высочество, сколько же невзгод вам пришлось перенести в этой поездке! Раз уж ваш корабль давно причалил к берегу, отчего вы не возвращаетесь во дворец? Его Величество места себе не находит от беспокойства, только о вас и расспрашивает.

— Дела государственной важности требуют времени, оттого я и задерживаюсь, — спокойно ответил Чу Яо. — Передайте отцу, что я бесконечно благодарен ему за заботу. Как только закончу составлять поимённый список мятежников, я лично явлюсь во дворец с подробным докладом.

Стоило принцу упомянуть список заговорщиков, как улыбка на лице евнуха Чэня мгновенно сделалась гораздо дружелюбнее.

Мятеж государства Хань подавили, выкорчевав крамолу с корнем, но теперь перед двором встал куда более сложный вопрос: кем заменить казнённых наместников на приграничных территориях?

Оставить без присмотра важнейшие военные рубежи император не мог — это развязало бы руки внешним врагам. Однако и открыто назначить туда своих верных генералов было опасно. Любые перестановки на землях прежних вассалов грозили обернуться бунтом недовольных старейшин. Одно неверное движение — и тень недоверия пала бы на самого государя.

Император не желал пачкать руки этой грязной работой. Для роли безжалостного судьи ему требовался исполнитель.

— Ваше Высочество денно и ночно радеет о благе государства! Ваша сыновняя почтительность и преданность престолу — истинный пример для всех остальных принцев, — рассыпался в лести евнух.

Однако уходить он явно не спешил. Чу Яо нетерпеливо спросил:

— У вас есть ко мне другие дела, почтенный Чэнь?

Евнух Чэнь заговорщицки огляделся по сторонам и понизил голос:

— До столицы дошли слухи, будто Ваше Высочество обзавелись чудесной духовной птицей, которая сослужила вам неоценимую службу при подавлении мятежа безумного Чу Яня. Не окажет ли принц милость старому слуге? Позвольте хоть краем глаза взглянуть на этот духовный объект.

Успевший вовремя превратиться обратно в птицу и юркнуть под мягкую подушку Жухэн

мысленно выругался. «Ну надо же! Я теперь словно мясо бессмертного Тан Сэна на блюде — каждый норовит урвать себе кусочек!»

Чу Яо прекрасно понимал, по чьей указке действует евнух. Лицо его сделалось холодным как лёд:

— Суеверная чернь горазда сочинять небылицы, но вы, почтенный Чэнь, служите при самом государе. Если вы станете верить каждой глупой сплетне, то ваши неосторожные речи могут ввести Его Величество в заблуждение.

Жухэн, осторожно подглядывавший из узкой щёлочки между подушками, заметил, как позеленел от злости старый слуга, получив столь изящную, но болезненную пощёчину.

Евнух натянул на лицо фальшивую улыбку:

— Что ж, простите старому глупцу его излишнее любопытство. И всё же позволю себе напомнить: люди и духи враждуют уже много сотен лет. Вашему Высочеству следует быть осмотрительнее. Как бы не пригреть на груди змею.

«Пригреть змею...» — Жухэну показалось, что в этих словах скрывался тайный, зловещий намёк.

Высказавшись, евнух демонстративно спрятал руки в широкие рукава халата, шумно сплюнул прямо на чистый пол перед наследником престола и небрежно растёр плевок подошвой туфли.

— И ещё одно, — добавил он, не сводя с принца цепкого взгляда. — Поговаривают, будто в личных покоях покойного Чу Яня вы обнаружили его тайную переписку с заговорщиками из земель Янь. А ведь это прямое доказательство причастности тамошнего правителя к государственной измене. Наш великий государь велел передать: поспешите направить эти бумаги в Дучаюань, дабы избежать ненужных толков и проволочек.

«Письма?» — мысленно восторгался Жухэн.

Ему мгновенно вспомнились предсмертные слова, которые Чу Янь прошептал ему на ухо перед тем, как испустить последний вздох:

«Неужели ты думаешь, что сможешь и дальше преспокойно оставаться рядом с ним? Не забывай, птица, ты ведь здесь тоже лишь ради Драконьей жилы...»

Из-за отсутствия одной из трёх душ воспоминания прежнего владельца тела рассыпались на мелкие фрагменты. Жухэн не мог до конца разгадать смысл этой зловещей подсказки, но в одном он был уверен твёрдо: система велела именно «вернуть» силу Драконьей жилы, а не просто забрать её. Значит, между ним и этим священным источником существовала некая неразрывная связь.

К тому же, раз уж сам Чу Янь преподнёс его когда-то в дар наследному принцу, во дворце правителя Янь наверняка знали подлинную историю его происхождения.

Поэтому поздней ночью, когда усадьбу окутала глухая тьма, Жухэн бесшумно проскользнул в личный кабинет Чу Яо.

За долгое время их близкого общения он успел понять, что за мягкой, обманчиво податливой натурой наследного принца скрывается холодный, расчётливый ум искусного кукловода.

Во время мятежа в Цзичжоу принц с самого начала подозревал наставника Яна, но не выдал себя ни единым жестом. Он хладнокровно позволил втянуть себя в смертельную ловушку лишь для того, чтобы полностью раскрыть планы врагов и сокрушить их одним сокрушительным ударом.

Да и само его рабочее место было устроено необычно. Стены кабинета были оклеены плотной белоснежной бумагой из Кореи, гладкой, словно шёлк. При свете светильников комната заливалась ровным, ярким светом, однако снаружи невозможно было разглядеть даже силуэта.

Чу Яо стремился оградить свою жизнь от любых любопытных глаз.

Жухэн не винил его за чрезмерную подозрительность. Собственный суровый опыт наёмника научил его ценить осторожность. Даже восседая на золотом троне, человек оставался заложником законов диких джунглей, где выживал лишь самый чуткий хищник. И Жухэн по своему восхищался этой железной стойкостью принца, умевшего годами копить силы ради решающего рывка.

Найти нужные документы не составило труда. Поскольку Дучаюань настойчиво требовал отчёта, папки с делами заговорщиков лежали на самом виду, прямо на краю письменного стола.

Жухэн аккуратно, стараясь не нарушить порядок листов, перелистывал плотные страницы, боясь проглядеть хоть малейшую зацепку. Вскоре от напряжения на его лбу выступили мелкие капли пота.

Вдруг среди однообразных судебных записей его взгляд наткнулся на нечто совершенно инородное.

Вложенный между страниц предмет напоминал гербарий или древний высохший образец. Похожий на ритуальный талисман и одновременно на крыло диковинного насекомого, он тонкой плёнкой прильнул к бумаге.

В комнате царила кромешная тьма, но птичий взор Жухэна с лёгкостью различал мельчайшие детали. Склонив над столом голову, он разглядел, что этот странный слепок состоит из бесчисленных тончайших нитей, напоминающих тонкие нервные окончания. В полумраке они едва заметно мерцали призрачным зеленоватым светом.

«Похоже на снимок нейронных связей головного мозга...» — промелькнуло в голове.

Любопытство сгубило кошку, а в данном случае — неосторожную птицу. Стоило Жухэну коснуться загадочного талисмана кончиками пальцев, как его сознание пронзила острая, невыносимая боль, будто в череп вогнали раскалённую иглу.

Но на этот раз перед его мысленным взором предстали чужие воспоминания — воспоминания Чу Яня.

<http://bllate.org/book/18274/1750183>